

16+

Николай Яременко

Раскарантинился

Рассказ

Николай Яременко

Раскарантинился

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55955006

SelfPub; 2020

Аннотация

Долгожданный выход из режима карантина – ничуть не меньший стресс для человеческого организма, чем пребывание на карантине. Какие неожиданные проблемы подстерегают человека и каким интимными фантазиями сопровождаются – в рассказе известного журналиста, писателя, почётного академика Российской академии радио.

Опасения заболеть новым вирусом сильно ударили даже не по его привычкам (постоянно мыть руки, брызгать антисептиком, принесённые курьерами продукты оставлять в прихожей на сутки – «на карантин»), а по мировосприятию. Как только на различных сайтах стали появляться таблицы с числом заболевших, а потом и карты, показывающие, в каких домах проживают больные, он на всё сразу же подписывался. Собственно, поначалу вся страна смотрела ежедневно эти таблицы. Было нечто похожее на олимпийский медальный зачет: мы пока отстаём, но скоро должны стрелять наши биатлонисты... Впрочем, он шёл дальше: каждое утро, ещё лёжа в кровати, начинал с просмотра на телефоне всех этих цифр, и только потом отправлялся на кухню, чтобы организовать себе завтрак.

Происходило это действие обычно под разные попсовые песенки, которые послушно предлагал ему ютьюб. Но и тут его подстерегали сплошь страхи и печальные мысли. Даже привычные хиты выпукло играли совсем иными акцентами. Ещё не так давно из песни «Сибирские морозы» ухо цеплялось за строчки про чужую женщину и про истерзанное сердце, но теперь Владимир Кузьмин уже честно признавался в тяжести протекания болезни: «В поту холодном просыпаюсь – боль в груди...» Какое предвидение! Двадцать лет назад написал, а как верно симптомы китайской заразы описал...

В другой песне юный ещё Дима Маликов призывал «Ты не прячь улыбку» и слышался в этом неприкрытый призыв

нарушить правила самоизоляции и гулять без маски.

Но быть в четырёх стенах, пусть и постоянно отвлекаясь на работу от вечного пребывания в страхе, и при этом лишать себя радостей плотских утех – это было для довольно ещё крепкого, пусть уже и не юного организма, чересчур.

Дама на примете была. Вот только отношения ещё не начались. Был тот самый момент, когда оба уже понимают, что это случится, оба это допускают, но как-то всё время не приходит. Отношения готовы были перейти в решительную стадию сближения уже давно, но ведь не юными они уже были, да и не единственными друг у друга. А тут ещё у каждого случился домашний арест по причине карантина. Встреча отложилась.

Но любые аресты рано или поздно заканчиваются. Пало и это заточение.

– Давайте мы уже с Вами немного раскарантинимся, – набрал он знакомый номер.

Слово-то какое чудесное! Ведь в зависимости от ситуации может так значение менять. Скажут тебе коллеги по выходе на работу из домашней изоляции: «Эк тебя раскарантинило» – ясно, что иронизируют над лишними килограммами, мешающими с прежней лёгкостью вписываться в дверной проём. А тут – совсем иное дело. Это и игривое приглашение дамы на randevu с весьма конкретным подтекстом, и одновременно смелый поступок решительного мужчины, который не будет уже прятаться за медицинской маской, бо-

яться заразиться от встречи с новой в своей жизни возлюбленной.

Он целовал её не быстро, словно пытаюсь внимательно распробовать на вкус. Он давно уже пришёл к выводу, что у каждой девушки – свой вкус. И не вкус кожи и тем более самых укромных уголков, о чём разве что ленивый не любит порассуждать, а именно вкус поцелуя. И почему-то именно именно этот этап сближения тел занимал его больше всего и рождал наибольшее число ярких образов в сознании. Последующее соитие тел – само по себе эмоциональная встряска, но можно ли представить себе человека, который во время своих поступательных движений анализирует образы, смакует их? Нет, там всё устремляется уже, словно бурная горная река несётся к водопаду, но не придёт же тебе в голову в этот момент представлять себя ручейком, который, вливаясь в поток, летит навстречу пропасти. Не до образов в этот момент уже. А вот поцелуй – это возможность как раз поиграть с образами.

У писателя Марселя Пруста герой окунал на первой странице романа бисквитное печенье в чай, и этот вкус вызывал в его сознании воспоминание, становившееся, собственно, полноценным сюжетом. Если бы он написал много таких романов, начинавшихся с разных печений, тортиков, сэндвичей, супов и салатов, каждый из которых становился б поводом для новых воспоминаний длиною в роман, это было бы совсем невозможно исполнить. Но этот принцип в чём-то

напоминал бы поведение и привычки нашего героя. Каждая новая встреча была интересна ему именно своим поцелуем и теми вкусовыми ощущениями, которые он испытывал, а может, и просто внушал себе.

Белокурая полицейская из Стокгольма, с которой у него случился яркий роман длиной в несколько дней, была ухоженна, чиста, идеально следила за собой, но целовались они на берегу озера Меларен, где кричали чайки, и потому вкус поцелуя ему напоминал соленый брызг волн. Чудилось, что это рыбачка, которая спасла его из бурных волн и теперь поцелуем возвращает свой улов к жизни. Губы ее были солёными и чем больше он кусал их, тем больше чудились ему почему-то рыболовные снасти, сети и прочие хитрости, которые должны, по логике, находиться в лодке у рыбачки.

Вкуса рыбы при этом не было. С рыбой была совсем другая история. Учительница латышского встречала его прямо в Рижском аэропорту, забирала на своей машине и отвозила на парковку неподалёку, чтобы разговаривать и целоваться. Её губы и язык работали жадно и быстро. Не сразу, но он почувствовал при одной из таких встреч какой-то странный, масляный привкус. Ба! Да именно таков вкус масла в банках из-под рижских шпрот. И навсегда осталась та латышская учительница в его памяти со шпротным привкусом. Это не имело отношения ни к ней, ни к ее внешности, ни к её просто сочащейся нежности, но вкус шпрот перебивал всё, в том числе и всякий любовный настрой.

Была жительница окрестностей Тулы, уютная и добрая, по вкусу абсолютно похожая на тульский пряник; была продавщица из Нижнего, чистый солёный огурец из хлюпающей бочки; якутка, похожая на сметану, перемешанную с протёртой клюквой...

А сегодня вкус распознать не удалось. Он не торопился, пытался традиционно не нападать, а именно распробовать вкус поцелуя своей героини. Но время шло, а образы так и не появлялись. Тело реагировало, подталкивая своего хозяина: да хватит уже, мол, со своими сюси-пуси, остальным тоже надо. Но он не мог понять, что же не так, что произошло. Ощущение есть, а вкуса нет. И тут – обожгло: не отрываясь от гостыи, он вспомнил, как утром на радио давали интервью врача, который подробно описывал симптомы. «Стойкая потеря вкуса. Вы не чувствуете еду. Не понимаете, вкусно вам или нет. Вот тогда вам точно надо к врачу. Скорее всего, вирус уже у вас внутри».

Он резко отодвинул ее от себя.

– Что-то не так?

– Вкуса не ощущаю.

Она посмотрела на него сначала немного тревожно, чуть испуганно, а потом неожиданно стала смеяться:

– Вот тут должны пойти титры!

– Какие титры? – тут уже он не понял.

– Ну, как... Главный мем этого года: «Directed by Robert V. Weide». Ладно, пошли чай пить. Титры же не обязательно

финальные!